

ББК 63.3(2)43-7
В 27

Издание осуществлено при финансовой поддержке администрации
Великого Новгорода и Исторического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова

Редакколлегия: А. А. Гиппиус, Е. Н. Носов, А. С. Хорошев

Фото на контратитуле — В. Л. Янин на раскопках в Новгороде в июле
1996 г. (автор фотографии — А. И. Овчинников)

В27

Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. — М.: «Русские словари», 1999. — 467 с. — ISBN 5-93259-007-6

Сборник посвящен 70-летию выдающегося российского археолога и историка В. Л. Янина, чья жизнь и деятельность неразрывно связаны с Новгородом Великим. Книга содержит статьи, посвященные археологии и истории Новгорода (X-XVI вв.) и сопредельных территорий. В них на основе анализа письменных источников, в т. ч. берестяных грамот, а также разнообразного археологического и нумизматического материала обсуждаются общие и частные вопросы истории Новгорода и его соседей. Здесь также впервые публикуются новые археологические находки и памятники искусства.

Книга рассчитана на специалистов — историков, археологов, филологов, искусствоведов, — но, несомненно, будет полезна всем, кто интересуется историей России.

ББК 63.3(2)43-7

ISBN5-93259-007-6

© Издательство «Русские словари», 1999

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемый вниманию читателей сборник посвящен 70-летию выдающегося отечественного археолога и историка Валентина Лаврентьевича ЯНИНА, чья жизнь, научные интересы и творческая деятельность неразрывно связаны с Новгородом. Именно поэтому, когда задумывался юбилейный сборник, было решено ограничить его содержание проблемами археологии и истории Новгорода и сопредельных территорий, а также анализом места Новгорода в истории и культуре средневековой Европе. Отсюда и название сборника, и круг его авторов, среди которых ученики, коллеги, друзья Валентина Лаврентьевича. Несомненно, их число гораздо шире участников нашего сборника.

Несмотря на кажущуюся географическую ограниченность, сборник объединяет статьи, чрезвычайно разнообразные по тематике, жанру и содержанию. Здесь — публикации уникальных древних предметов (Ж. Бланкофф, М. В. Седова, А. Н. Сорокин) и целых категорий археологических находок (А. Р. Артемьев, М. Д. Полубояринова, Е. А. Рыбина, Н. В. Хвощинская, И. Янссон); анализ различного археологического материала (Г. Е. Дубровин, Н. В. Ениосова, В. И. Поветкин, Л. В. Покровская, Л. И. Смирнова, Ю. Л. Щапова), монетных находок и проблем нумизматики (П. Г. Гайдуков, М. Мюллер-Вилле, Т. А. Пушкина, Г. А. Федоров-Давыдов), памятников архитектуры (Вл. В. Седов), искусства (Э. А. Гордиенко) и топографии города (Л. И. Петрова).

Ряд статей посвящен исследованию разнообразных письменных источников, в том числе берестяных грамот (Л. А. Бассалыго, А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, Т. В. Рождественская, Р. Факкани). В отдельных статьях рассматриваются различные проблемы истории Новгорода (В. Водов, П. Д. Малыгин, Э. Мацку, П. П. Толочко, А. С. Хорошев, А. Л. Хорошевич) и его соседей (И. О. Колосова, И. К. Лабутина, Н. А. Макаров, В. В. Седов). В статьях Е. Н. Носова и В. Н. Топорова обсуждаются общие вопросы, связанные с происхождением Новгорода и формированием его населения. Завершается сборник изящным источникovedческим этюдом В. Лефельдта.

Практически все статьи так или иначе связаны с научной деятельностью В. Л. Янина и отражают широкий круг его интересов и знаний: нумизматика, сфрагистика, летописание и актовые материалы, берестя-

Л. И. Смирнова

СЫРЬЕ НОВГОРОДСКИХ КОСТЕРЕЗОВ (РОГ, КОСТЬ И «РЫБИЙ ЗУБ»)

Окруженный лесами древний Новгород был весь одет в дерево. Нам, современным людям, живущим в мире синтетических материалов, трудно осознать, какое величественное значение имело дерево. Из дерева, этого главного строительного материала, возводились дивные храмы и надежные жилища, подсобные постройки и защищавшие усадьбы горожан частоколы, им устилались улицы и дворовые вымостки. Практически все транспортные средства, будь то корабль, телега, сани или лыжи, были деревянными. Дерево царило в домах в виде мебели, разнообразной утвари и посуды, всякого рода деталей и приспособлений. Весь строй эстетических представлений горожан базировался на декоративных приемах обработки дерева.

Из прочих природных материалов, пожалуй, только кость по значимости могла сравниться с деревом. Кость была из числа наиболее излюбленных материалов и к тому же одним из самых доступных. В толще культурных напластований Древнего Новгорода, идеально сохраняющих органические ткани, была собрана богатейшая коллекция изделий из кости. Великолепные резные иконки и простые по форме кресты, богато украшенные накладки ларцов и седел, разнообразные предметы туалета, будь то гребни на любой вкус, копоушки или булавки для волос и одежды, застежки, пряжки, пуговицы или перстни и бусы, таинственные амулеты и подвески. Ножи, шилья и прочие инструменты с костяными рукоятками имелись у любого горожанина. Каждой хозяйке были знакомы костяные пряслица, иглы или заостренные предметы для уплотнения нитей при ткачестве. Охотники и рыбаки знали цену прочным костяным налучьям и тупым наконечникам стрел для охоты на пушного зверя, рыболовным крючкам и наконечникам гарпунов. Ну а такие детали упряжи и всякого рода составных механизмов и приспособлений, как вертлюги, дверные подпятники, крюки, петли и ручки, были более долговечными, чем деревянные. Костяные предметы сопровождали жителей средневекового Новгорода и в часы досуга. Практически на каждой городской усадьбе встречаются фишкы для настольных игр, шахматные фигуры, игровые кости.

Кость и дерево, несомненно, воспринимались древними мастерами как близкие поделочные материалы. Инструментарий костереза и резчика по дереву ничем не отличаются: главным универсальным орудием является

нож, при нанесении орнамента используются разнообразные резцы; напильники и рашпили служат для выравнивания поверхностей, дрели — для просверливания отверстий, часть деревянных и костяных поделок вытаскивается на токарном станке; на начальных стадиях производства при подготовке заготовок широко применяются пилы. О том, что технические и декоративные возможности обоих материалов ремесленники оценивали сходным образом, говорит тот факт, что очень многие категории изделий средневековых мастеров воспроизводились в кости и в дереве. Достаточно вспомнить цельные гребни, ложки, шахматные фигуры и прочие игровые фишкы, рукоятки ножей, разнообразные футляры, тупые стрелы, вертлюги и многие другие поделки, представленные в новгородской коллекции как костяными, так и деревянными экземплярами.

Любопытно, что ископаемое дерево, темное и более твердое, называли «Адамовой костью»: Adamovo kost lignum adamiticum, quod e visceribus terraie in via versus emporium Archangel eruitur. Colore et sub nigro, duritie lapidem, forma et venis ramos arboris referens¹. (Пер.: Добывают из недр земли в некоторых местах на пути к порту Архангела. Оно черноватого цвета, твердо, как камень, по форме и размещению жил напоминает ветви деревьев².)

Вместе с тем совершенно очевидно, что мастера, работавшие в кости и дереве, не относились к каждому из этих материалов как к нейтральной поверхности и превосходно осознавали особенности природных свойств различных пород дерева и видов костной ткани в прочности, эластичности, текстуре.

Виды костной ткани

Кость — один из самых удивительных структурных материалов, созданных самой природой. Выдающиеся свойства кости, а именно прочность и при этом эластичность, определяются комбинацией органических и неорганических элементов в ее составе. Этот же принцип люди использовали с тех пор, как научились делать керамику с органическими добавками или кирпичи с примесью соломы.

Кость — понятие собирательное. Существуют четыре вида костной ткани, отличающихся по строению, химическому составу, текстуре и механическим свойствам: собственно животная кость, плотный рог, полый рог и зуб.

Только полый рог не входил в состав сырья новгородских костерезов. При идеальной сохранности органических тканей в культурных слоях средневекового города не найдено ни одного изделия из полого рога. Даже

¹ Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переизд. Л., 1937. С. 99.

² Сл. РЯ XI-XVII вв., вып. 7, М., 1980. С. 374.

среди отходов косторезного ремесла нам известны лишь несколько фрагментов рогового чехла крупного рогатого скота со следами обработки и несколько кусков опиленного костного основания рогов крупного и мелкого рогатого скота (весьма пористой костной ткани, совершенно непригодной для изготовления поделок). Эти костные фрагменты следует, скорее всего, рассматривать как отходы дубильного или кожевенного производства³.

Плотный рог животных семейства оленей был несомненно важнейшим видом костного сырья в средневековом Новгороде. Из него сделано около 72% всех костяных изделий. Такова же доля плотного рога и среди отходов косторезного производства (рис. 1)⁴. Вторым по значимости видом костной ткани была животная кость (22%). Доля моржового клыка невелика и составляет 6%.

Плотный рог

Плотным рогом называют рога животных, принадлежащих к семейству оленей: косуль, ланей, лосей, благородных и северных оленей. В поперечном разрезе видно, что любой плотный рог состоит из пористой сердцевины и окружающего ее компактного материала, причем у благородных и северных оленей пористая сердцевина губчатой структуры с хорошо видимыми невооруженным глазом округлыми порами. Непригодная для обработки пористая масса занимает значительный объем рога этих животных и присутствует даже в отростках, в дело идет только относительно тонкий слой компактны. Пористый слой внутри рога лося и менее значителен по объему, и плотность его гораздо выше, что позволяет вырезать объемные изделия. Кроме того, определенные части лосиного рога (ствол с нижней частью лопаты, отростки) состоят практически целиком из компактного материала и полностью могут быть использованы.

На первый взгляд может показаться естественным абсолютное предпочтение косторезами Новгорода плотного рога по сравнению с другими видами костной ткани на протяжении значительного отрезка времени (с середины X до конца XIV веков). Преимущества плотного рога перед гораздо более доступной животной костью заключаются в его механических свойствах. Серий специальных тестов на деформацию, проведенных сравнительно недавно, было установлено, что плотный рог по крайней мере в 6 раз более устойчив к механическим нагрузкам, чем животная кость⁵. Очевидно, что мастера-резчики, знакомые с разными костными

³ Смирнова Л. И. Состав сырья косторезов древнего Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 121, 127.

⁴ Расчеты производились по материалам раскопов-гигантов Неревского (8840 кв. м) и Троицкого (4556 кв. м). Общее количество находок более 4000.

⁵ MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials Since the Roman Period. London, 1985. Pp. 23-29.

Состав сырья косторезов средневекового Новгорода по готовым изделиям и ремесленным отходам

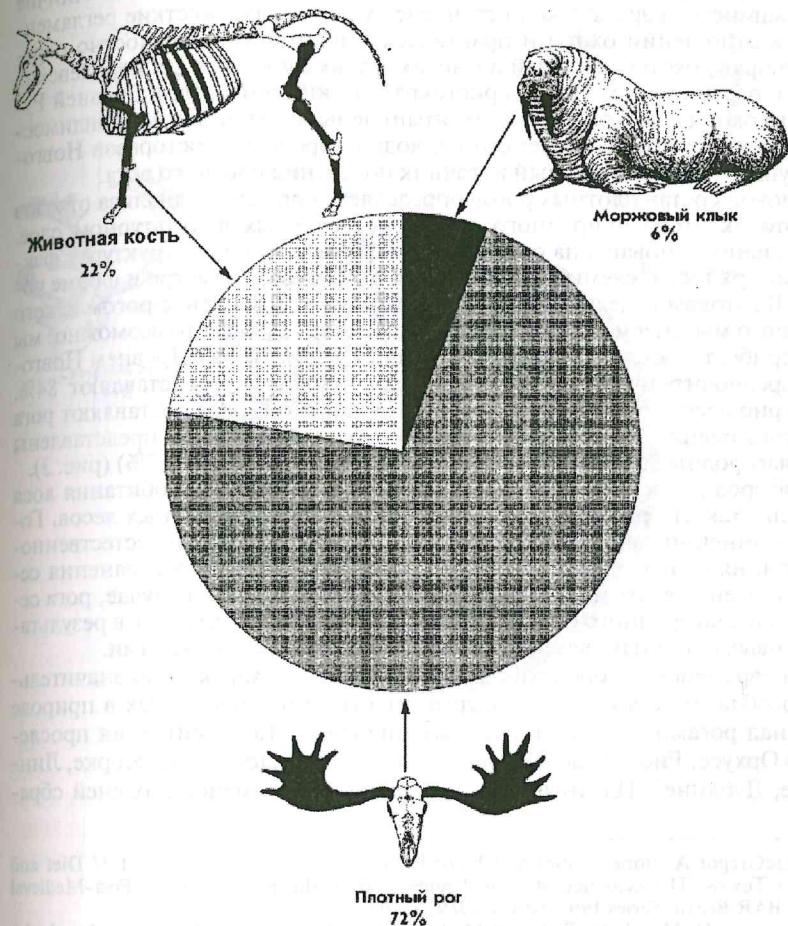

Рис. 1

материалами, осознавали это преимущество. Однако в составе сырья городских косторезов Западной и Средней Европы преобладание плотного рога было абсолютным лишь в IX-XI вв., позднее происходит перевес в сторону преимущественного использования животной кости⁶. В отличие от большинства европейских стран, где существовали жесткие регламентации в отношении охоты и практически монопольное ревностно охраняемое право охоты на оленей и многих других животных для королевских домов и ограниченного круга аристократических семейств, в Древней Руси права охоты в бескрайних лесах ограничены не были. По всей видимости, в течение всего исследуемого периода у городских косторезов Новгорода существовал стабильный источник получения плотного рога.

Видовой состав плотных рогов определяется на основе анализа отходов и заготовок этого природного сырья, встречаемых в культурном слое. Определения основаны на особенностях формы рога, его структуры, фактуры поверхности, схемы расположения отростков, диаметре и форме розетки. В готовом изделии порой более сложно установить, с рогом какого животного мы имеем дело. Хотя в большинстве случаев это возможно, мы чаще прибегаем к слову «вероятно». Резных дел мастера в Древнем Новгороде предпочитали лосинные рога. Среди отходов они составляют 84%. Примерно десятую часть всех фрагментов плотного рога составляют рога северного оленя. Лишь в сравнительно небольшом объеме представлены рога благородных оленей и косули (соответственно 4,3% и 1,7%) (рис. 2).

Новгород расположен в пределах границ естественного обитания лося и косули, так что рога этих животных поступали из окрестных лесов. Город, несомненно, расположен значительно восточнее границ естественного обитания благородного оленя, а южная граница распространения северного оленя лежит много севернее Новгорода. В любом случае, рога северного и благородного оленей могли появиться в городе лишь в результате торговых или иных связей с довольно отдаленными регионами.

Для европейских городских центров VIII-XI вв. характерно значительное преобладание в исходном сырье естественно сброшенных в природе рогов над рогами, снятыми с убитых животных. Такая ситуация прослежена в Орхусе, Рибе, Хедебю, Менцилине, Волине, Дорестаде, Йорке, Линкольне, Дублине⁷. Плотные рога представителей семейства оленей сбра-

⁶ MacGregor A. Bone, Antler and Horn Industries in the Urban Context // Diet and Crafts in Towns. The evidence of animal remains from the Roman to the Post-Medieval periods. BAR British Series 199. Oxford, 1989. P. 107.

⁷ Andersen H. N., Crabb P. J. and Madsen Arhus H. J. Sondervold: en Byarkaeologisk Undersokelse // Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter 9, Copenhagen, 1971; Ambrosiani K. Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers in the Light of Finds from Birka and Ribe. Stockholm, 1981. P. 99; Reichstein H. Untersuchungen von Geweihresten des Rothirsches (*Cervus elaphus L.*) aus der Frühmittelalterlichen Siedlung Haithabu (Ausgrabung 1963-1964) // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu 2. Neumünster, 1969. Pp. 62-63; Schoknecht U. Menzlin, ein frühgeschichtlicher Handesplatz an der Peene // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostock, Schwerin und Neubrandenburg 10, Berlin, 1977. P. 68; Müller-Using D. Über die frühmittelalterlichen Geweihreste von Wollin // Saugierkundliche Mitteilungen 1, 1953. Pp. 64-67; Prummel W. The archaeozoological study of urban medieval sites in the Netherlands // Environmental

126

Соотношение рогов животных семейства оленей среди отходов костерезного ремесла средневекового Новгорода

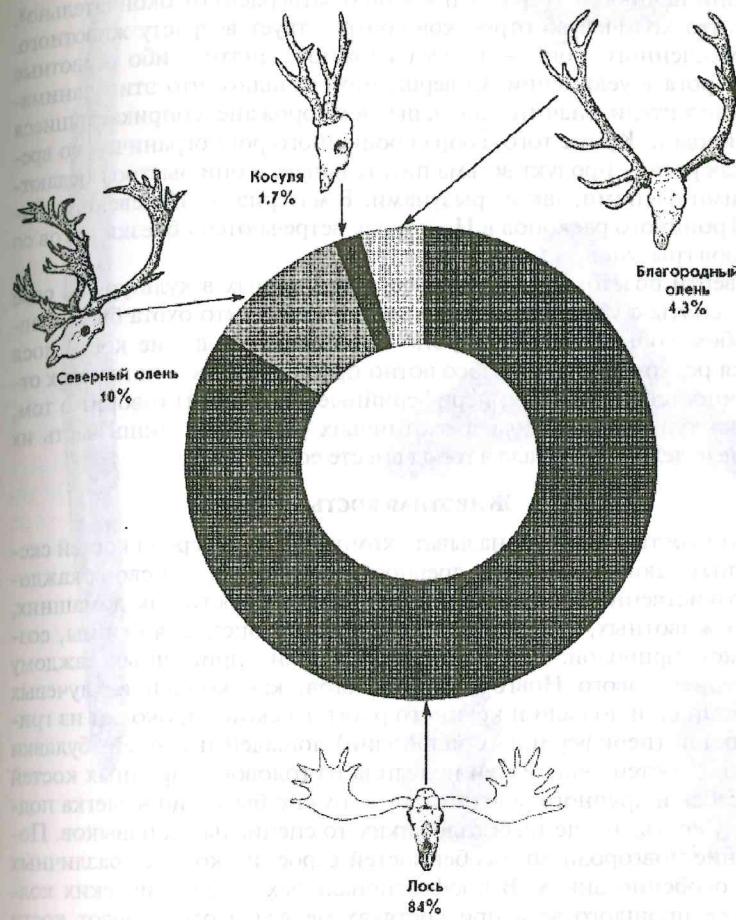

Рис. 2

сываются и отрастают вновь ежегодно. У лосей это происходит в конце зимы или в начале весны. Новые рога появляются не ранее февраля-марта, растут они очень быстро и за два месяца достигают полной величины, затем они начинают твердеть и к июню затвердевают окончательно. Считается, что количество отростков соответствует возрасту животного. Поиски сброшенного рога — весьма сложное занятие, ибо животные сбрасывают рога в уединении. Совершенно очевидно, что этим занимались сельские жители, значительно чаще, чем горожане, соприкасавшиеся с дикой природой. Кроме того, сбор сброшенного рога ограничен во времени, так как рога — продукт весьма питательный, и они быстро поедаются как самими оленями, так и грызунами. В материалах Неревского, Дубощинской и Троицкого раскопов в Новгороде встречаются обрезки рогов со следами зубов грызунов.

Три четверти розеток лосиных рогов, встреченных в культурном слое Новгорода, сняты с убитых животных, а это значит, что охота была главным способом добычи плотного рога. Тот факт, что другие кости лося встречаются редко и среди них абсолютно преобладают кости нижних отделов конечностей (астрагалы, периферийные метаподии) говорит о том, что разделка туш проходила в охотничьих угодьях, и лишь часть их (дистальные отделы) поступала в город вместе со шкурами.

Животная кость

Животной костью принято называть компактный материал костей скелета животных. Люди с глубокой древности применяли для своих ежедневных хозяйственных и прочих нужд отдельные кости как домашних, так и диких животных, любясь и по достоинству оценивая формы, созданные самой природой. Для изготовления таких привычных каждому жителю средневекового Новгорода предметов, как коньки из лучевых костей и метаподий лошади и крупного рогатого скота, проколки из грифельных костей (периферийных метаподий) лошадей и оленей, булавки из фибульных костей свиней или пряслица из головок бедренных костей коз, овец, собак и крупного рогатого скота, нужно было лишь слегка подправить саму кость, что не требовало каких-то специальных навыков. Поражает знание новгородцами особенностей строения костяка различных животных, особенно диких. В профессиональных остеологических коллекциях даже прошлого века при костяках медведей отсутствуют кости остпениса, которые просто выбрасывали, не увидев, вместе с мягкими

Archaeology in the Urban Context. London, 1982. P. 119; MacGregor A. Industry and commerce in Anglo-Scandinavian York // Viking Age York and the North. London, 1978. Pp. 37-57; Mann J. E. Early medieval Flaxengate 1: objects of antler, bone, stone, horn, ivory, amber and jet // The Archaeology of Lincoln 14. London, 1982. P. 44; O'Riordain B. Excavations at High Street and Wine tavern Street, Dublin // Medieval Archaeology, 15. P. 75.

⁸ Собанеев Л. Звериный промысел в России // Заря, 1871, кн. 12, отд. II. С. 82-84.

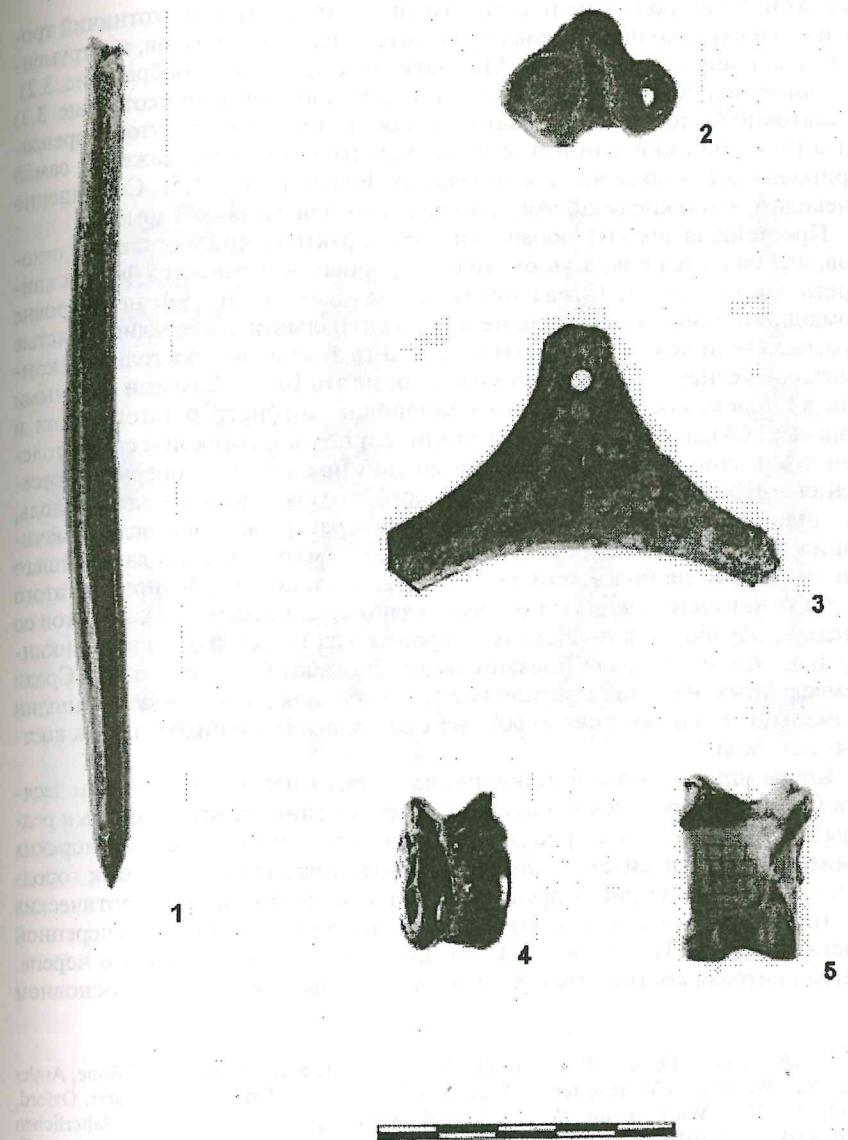

Рис. 3

тканями. Новгородцы не просто сохраняли эту кость как охотничий трофеи, но и нередко использовали для изготовления кочедыков, инструментов для плетения (рис. 3.1). Миниатюрные астрагалы бобра (рис. 3.2), изящные подъязычные кости оленей и крупного рогатого скота (рис. 3.3) достаточно было лишь подрезать или просто просверлить, чтобы превратить их в привески или амулеты. Астрагалы коз и овец, кажется, самой природой были созданы для игральных фишек (рис. 3.4,5). Совершенно очевидно, что такие вещи могли быть изготовлены в любом доме.

Простейшая техника обработки кости практически не оставляет отходов, ибо сводится к использованию природных особенностей формы конкретной кости. Для изготовления более сложных изделий уже не на уровне домашнего ремесла, а на уровне профессиональном требовалась толстые прямые куски компактного материала. В трубчатых костях толщина компакты в среднем — 5-7 мм, но может достигать 10 мм. Самыми удобными для костереза костями являются метаподии крупного рогатого скота и лошадей, обладающие довольно длинной и прямой трубкой и самой толстой компактой. Использование метаподий предполагает операцию отсечения эпифизов и обработку трубки, которая может раскалываться вдоль, распиливаться на кольца или цилиндрики и раскрываться (после вымачивания и нагревания) в пластину компактного материала для дальнейшего распиливания на более тонкие пластины. Метаподии крупного рогатого скота и лошадей повсеместно преобладают среди костных фрагментов со следами обработки в подборках с европейских памятников эпохи викингов и средневековья, а в Шлезвиге они составляют 85% коллекции⁹. Среди ремесленных отходов животной кости из раскопок в Новгороде метаподии стабильно составляют около 60% всех остеологически определимых костных остатков.

Кости морских млекопитающих, из которых изготовлен не один десяток изделий новгородских костерезов, несомненно, стоит относить к редким видам костного материала. Как побочный продукт северных морских промыслов кости китов и моржей поступали время от времени к городским мастерам. На рис. 4 представлены избранные вещи из экзотических костных материалов: рукоятки ножей из китовой кости (4.4-6) и черепной кости моржа (4.3), перстень (4.1) и кистень (4.2) из моржового черепа. Легкая китовая кость с характерными продолговатыми порами в основном

⁹ Ambrosiani K. Op. cit., P. 102; Biddle M. The Nature and Chronology of Bone, Antler and Horn Working in Winchester // Object and Economy in Medieval Winchester. Oxford, 1990. P. 252; Winkelmann W. Archäologische Zeugnisse zum frühmittelalterlichen Handwerk in Westfalen // Frühmittelalterliche Studien 11. P. 111-115; Clason A. T. Voorwerpenuit been en gewei. // Spiegel Historiae 13, 1978. P. 294-295; Prummel W. Excavations in Dorestad: an archaeozoological Study // Nederlandse Oudheden 11, Amersfoort, 1983. P. 259; Ulbricht I. Verarbeitung von Knochen, Geweih und Horn im mittelalterlichen Schleswig // Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien 3. Neumünster, 1984. Pp. 46-47.

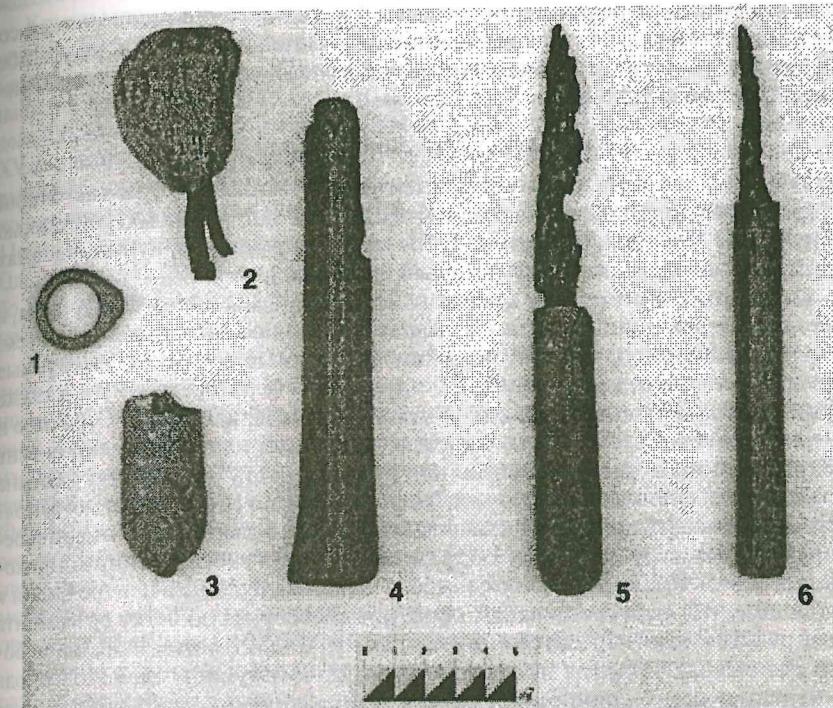

Рис. 4

шла на изготовление рукоятей ножей. Тяжелая и плотная черепная кость моржей позволяла моделировать крупные объемы, а четко очерченные редкие поры делали необычной текстуру полированных поверхностей. Заметим, что на Михайло-Архангельском раскопе, где был исследован интересный комплекс, связанный с обработкой плотного рога лося, был найден череп моржа.

К числу весьма редких стоит отнести 3 находки остеопенисов моржей со следами обработки. Из напластований второй половины XII в. на усадьбе Б Неревского раскопа происходит обломок пениса моржа с процарапанной надписью «домо»¹⁰.

ЗУБЫ. МОРЖОВЫЙ КЛЫК

Зубы большинства млекопитающих — это твердый конус, состоящий из трех слоев эмали, дентина и цемента, полость заполнена мягкой тканью — пульпой. Амулеты, обереги из зубов медведей, кабанов, куниц, росомах были, конечно, предметом охотничьей гордости.

Когда мы говорим о зубе как сырье костерезов, мы имеем в виду зубы, в которых твердые слои (дентин и эмаль) составляют значительный объем. Это бивни слонов, мамонтов, в письменных источниках именуемые «костью слоновой, мамонтовой или инроговой» (единороговой)¹¹, а также клыки морских млекопитающих — моржа, нарвала, кашалота. Строение и химический состав бивней слона и мамонта аналогичны. Снаружи бивень покрыт толстым слоем цемента; внутренняя часть состоит из дентина (собственно слоновая или мамонтовая кость), почти полностью заполняющего полость пульпы. В поперечном разрезе бивень слона имеет своеобразную текстуру: четкие дугообразные темные и светлые линии, проходящие сквозь толщу дентина от тонкого канальца пульпы в центре бивня к слою цемента, перекрещиваясь, образуют своеобразную сетку (у мамонта этот рисунок еще выразительнее, так как пучки дентинных канальцев более сближены). Изделия из слоновой кости в культурном слое Новгорода — явление чрезвычайно редкое. Нам известны только одна рукоятка ножа XIV в. и три гребня, относящихся к типу прямоугольных плоских (по Б. А. Колчину), и происходящих из напластований не ранее XV века. Еще более редкий материал — ископаемый бивень мамонта. Рукоятка ножа из бивня мамонта — единственная в новгородской коллекции.

Клык моржа был, несомненно, наиболее редким и дорогим видом сырья для костерезов древнего Новгорода. В древней Руси морских млекопитающих считали рыбами, а клыки их именовали «рыбным зубом». Как поделочный материал моржовый клык не уступает бивням слона и мамонта. Он представляет собой полый конус из дентина и цемента, заполнен-

ный у молодых животных пульпой. Поскольку клык нарастает конусами, на поперечном срезе всегда будет виден специфический рисунок из концентрических линий. Полость клыка у взрослых моржей заполняется вторичным дентином неупорядоченной структуры, по текстуре напоминающим мрамор и придающим неповторимую прелест изделиям из моржового клыка. Холмогорские резчики называли его «шадрой».

Клыки моржей добывали охотой в Северном море около Мезеня, у острова Вайгач, у Новой Земли, Мурманского берега, у Шпицбергена (Груманта), у устья Печоры. Проникновение новгородцев в эти земли начинается в XI в. В XII-XIII вв. там имелись уже крупнейшие вотчинные владения новгородской знати. По наблюдениям О. В. Овсянникова, до конца XV в. основной продукт беломорского моржового промысла поступал на рынок Новгорода Великого¹². В письменных источниках XII-XIII вв. редко встречаются упоминания о «рыбьем зубе». Ипатьевская летопись под 1160 г. рассказывает о дарах князя Ростислава Мстиславича Святославу Ольговичу: «И бысть же радость во тъ день межю има, и дарове мнози, да бо Ростиславъ Святославу соболми, и горностаими, и черными кунами, и песци, и белыми волкы, и рыбыми зубы»¹³.

Количество изделий из «рыбьего зуба» в Новгороде относительно невелико по сравнению с роговыми и костяными предметами (около двухсот), но можно сказать с абсолютной уверенностью, что ни в одном европейском средневековом городе нет столь многочисленной коллекции изделий из этого ценного материала. 51 фрагмент моржового клыка со следами обработки, найденный на Михайло-Архангельском, Троицком, Неревском и Федоровском раскопах, а также испорченные в процессе изготовления изделия убедительно свидетельствуют о местном производстве предметов из этого ценного материала. На Неревском и Федоровском раскопах обрезки моржового клыка составляли заметные концентрации и относились к производственным комплексам костерезов, датированным XII веком.

Сравнительно небольшое количество отходов моржового клыка не отражает реального значения этого вида костной ткани. Клык моржа был труднодоступен, редок, дорог, пригоден к обработке практически целиком, поэтому в культурном слое оседала лишь ничтожная доля опилков этого ценного материала. Вместе с тем новгородцы, несомненно, имели представление о диковинных животных северных морей. Из напластований первой половины XII в. Троицкого VII раскопа происходит редкая

¹⁰ Смирнова Л. И. Новгородские гребни из моржового клыка // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 70-80.

¹¹ Сл. РЯ XI-XVII вв., вып. 6. М., 1979. С. 242; вып. 7. М., 1980. С. 374.

¹² Овсянников О. В. О торговле «рыбным зубом» в средневековой Руси (XV-XVII вв.) // Обмен и торговля в древних обществах. Тезисы докладов к симпозиуму. Л., 1972. С. 31.

¹³ Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1843. С. 86.

находка: процарапанное изображение пяти моржей на пластине мыльного камня¹⁴.

Если изделия из моржового клыка изредка встречаются в средневековых напластованиях европейских городов, то всякого рода производственные отходы «рыбьего зуба» в сколь-либо заметных концентрациях пока не фиксировались.

Отличие механических свойств различных видов костных тканей, особенности текстуры совершенно очевидно осознавались новгородскими мастерами-костерезами, умевшими и эффективно использовать преимущества различных материалов, и успешно обходить их недостатки.

Г. Е. Дубровин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ*

Формирование и развитие культуры средневекового Новгорода постоянно сопровождалось активными межэтническими контактами. Можно выделить следующие основные составляющие этого процесса.

1. Население Новгорода на раннем этапе формировалось на основе конфедерации славянских и финских племен¹, представители которых, безусловно, внесли свой вклад в культуру города. В дальнейшем также имел место приток полиэтничного населения из подвластных Новгороду территорий. Этноопределяющие признаки в рамках городской культуры постепенно сглаживались, однако, безусловно, отдельные их компоненты (например, некоторые женские украшения) входили в единую городскую культурную традицию, дополняя и обогащая ее².

2. Будучи крупнейшим торговым центром Северо-Западной Руси, стоявшим на пересечении основных трансконтинентальных торговых путей, Новгород являлся местом активного взаимодействия представителей различных стран и народов, принимавших участие в восточноевропейской торговле (немцев, скандинавов, финнов, балтов и т. д.).

3. Колонизация Севера, в которой Новгород, безусловно, играл ведущую роль, привела к многообразным контактам новгородцев с представителями местных (в основном финских) племен, что нашло свое отражение в археологическом материале³.

Все эти факторы оказывали влияние на различные составляющие элементы новгородской культуры в самом широком смысле этого слова, в том числе и на судостроение.

* Настоящая работа поддержана Российской фондом фундаментальных исследований (проект № 96-06-80221).

¹ Янин В. Л. Основные итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Н., 1994. С. 20.

² Покровская Л. В. Периодизация этноопределяющих ювелирных изделий древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научной конференции. Вып. 2. Н., 1989. С. 91-97; Варенов А. Б. Карельские древности в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 11. Н., 1997. С. 94-105.

³ Макаров Н. А. Русский Север. М., 1993. С. 20, 36, 92-100.

¹⁴ Rybina E. A. Recent finds from excavations in Novgorod // The Archaeology of Novgorod, Russia. Recent Results from the Town and its Hinterland. The Society for Medieval Archaeology Monograph Series: № 13. Lincoln, 1992. P. 169, Fig. V. 4. 1.